

Алену Борисовну на работе побаивались и за глаза называли не иначе как «бой-баба». Была она высока и широка в бедрах, еще густые, вьющиеся волосы всегда укладывала в старомодный пучок. С юности близорукая, Алена Борисовна всегда ходила в очках, которые придавали ее лицу с крючковатым носом и маленькими пронзительными будто всегда прищуренными глазками еще более грозный, неприступный вид. Лет с пятидесяти на ее пышной груди повисла на веревочке вторая пара окуляров – для чтения – из-за развившейся с возрастом дальнозоркости. Самым выдающимся у Алены Борисовны был голос – зычный, строгий, с неизменной ноткой металла при любом разговоре.

Алена Борисовна всю жизнь проработала в корректорской одной из газет, где в корреспондентах трудился ее муж. Вот уже больше двадцати лет была заведующей своим отделом. Руководимый ею коллектив был чисто дамский, всего-то шесть человек – три молоденькие женщины да три дамы под пятьдесят. Работа была ответственная, а дамочки так и норовили взять какой-нибудь отгул, больничный или за свой счет – чтобы подтирать сопли деткам и внукам. Подходить к Алене Борисовне с такими просьбами было крайне опасно – увидев у своего стола просительницу, Алена Борисовна сощуривала глаза, долго молча вглядывалась в лицо жертвы, и казалось, что в ее руке вместо ручки сейчас мелькнет скальпель... Отгулы давала неохотно, больничные терпела, но ворчала. Но что там слабый пол! Трепетал и сильный, когда она, распахнув двери, появлялась на пороге кабинета и начинала отчитывать любого, невзирая на чин, за грязно – с ошибками и опечатками – набранный текст. А муж ее, Александр Моисеевич, прежде чем отправиться на деловую встречу, которыми так богата жизнь журналиста, вначале бежал отпрашиваться к жене, а уж затем к заведующему отделом, ибо образ бой-бабы был присущ Алене Борисовне не только на работе, но и дома. Впрочем, Александра Моисеевича жизнь как в

танке вполне устраивала. За толстой, непробиваемой броней жены ему было и покойно, и сытно, и безопасно.

Алена Борисовна более всего ценила чистоту, порядок и незыблемость всех проявлений жизни. Подъем, завтрак, обед, ужин, отбой происходили четко по расписанию. В доме у нее не было лишних вещей, а все нужное лежало по нужным местам, в холодильнике – в какое время суток ни заглянешь – всегда стоял набор из трех блюд: борщ, котлеты, компот.

Алена Борисовна рожала единожды – дочку Анечку. Любила ее очень, но нюни никогда над дочуркой не распускала. Анечка росла идеальным ребенком: как заводная кукла, всегда опрятна и причесана, с утра до вечера шагала по расписанию: школа – дом – музыкальная школа – дом. После десятилетки – а окончила она ее, естественно, с золотой медалью – Анечка сразу поступила в МГУ на филфак. И там училась на отлично, подавая какие-то большие надежды. Но вот на последнем курсе вдруг засобиралась замуж. Алена Борисовна, хорошенько поразмыслив, дала добро – партия оказалась достойной. Жених был старше Анечки на пять лет, тоже окончил МГУ. Программист по специальности, работал в какой-то большой организации и вроде считался первым человеком в своем деле. Родители жениха – люди не бедные – тут же подарили молодым свой трехкомнатный, пусть и небольшой по метрам, кооператив, а сами перебрались в двухкомнатную квартиру к дряхлой, уже давно требующей присмотра матери.

Еще три года Анечка жила по расписанию. Окончив университет, пошла в аспирантуру, продолжая подавать большие надежды. Но оправдать их так и не успела – получив степень, через шесть месяцев родила.

Когда Алена Борисовна с мужем приехали к роддому, когда Алена Борисовна увидела в кружевном белоснежном оперении маленькое розовенькое личико внучки Полиночки, с ней что-то случилось. Такое, чего никто вокруг не заметил, а она сама и предположить не могла. Будто невидимая рука вынула из ее сердца осколочек льдинки, и оно потеплело. Алена Борисовна влюбилась! Она ни в коей мере не изменила своего стиля жизни, по-боевому вела хозяйство и дома и на работе, но все свободное время пропадала теперь в трехкомнатном кооперативе. По хозяйству помогала мало, зато отходила от внучки – пеленала, катала по двору в колясочке, трясла погремушками... Когда Полиночка подросла, Бабаля – так, как умела, называла ее малышка, – вооружившись висящей на груди парой очков для чтения, перечитала внученьке всю детскую классику, начиная с Маршака. Когда Полиночке исполнилось четыре, дочка снова родила – Оленьку. Алена Борисовна влюбилась во второй раз и теперь каждую минуту своей жизни таяла, таяла от счастья, ни секунды не раздумывая, исполняя все невинные прихоти внучек...

И вдруг наступили дурные времена. Перестройка скрутила до боли в кишках. К этому времени младшей внучке уже исполнилось два годика, ее даже определили в детский сад, и Анечка готова была приступить к большой интересной и денежной работе. Но вот беда – таковой в стране просто не оказалось. Неожиданно лишился службы и муж Анечки. Большая солидная организация чуть ли не каждый месяц стала меняться в названии и личном составе, а через полгода и вовсе перестала нуждаться в услугах программиста. Алена Борисовна со страхом

озиралась по сторонам и кругом видела только разруху и пепел. Ей даже стало казаться, что все живое в стране стало героями картины «Последний день Помпеи».

Однако нужно было выживать. Алена Борисовна слышала, что многие уважающие себя люди отправились за спокойной жизнью в чужие страны. От некоторых счастливиц доходили слухи о райском и безбедном существовании на новых местах. И поэтому, когда дочь сообщила родителям о своем решении отправиться на ПМЖ в Америку, Алена Борисовна даже не сопротивлялась. Уж лучше ПМЖ, чем получать продукты по карточкам, бояться выпустить ребенка во двор, не иметь достойной работы. В Израиль, где вряд ли нужны программисты, Анечка не хотела. Решили держать путь на запад – за океан. Найти какие-то дальние связи, подать документы и дожидаться разрешения на выезд оказалось делом нервным, долгим, отнимающим последние силы и надежды. И все-таки разрешение дали. Чтобы иметь хоть какой-то капитал на первое время, молодые продали кооператив и с минимальными пожитками погрузились в самолет. Алена Борисовна очень плакала, целуя в аэропорту нежно-розовые щеки внучек. Успокаивала себя лишь тем, что, если девочкам там будет хорошо, то и она будет счастлива.

После тяжелого расставания Алена Борисовна по-прежнему держалась стойко. Возраст и у нее, и у мужа был уже пенсионный, но работу ни она, ни он не оставили и с первых дней начали откладывать рубли на поездку к дочери.

Четыре года прошли в тоске по внучкам. Конечно, Анечка звонила каждую неделю, давала трубку то Полиночке, то Олечке... Но со временем девчушки стали забывать бабушку, и разговоры получались короткие, скучные, ни о чем. Жизнь у Анечки клеилась, но не очень. Работу и она, и муж нашли, старшая дочь уже пошла в школу... А подробностей Алена Борисовна не знала – Анечка не очень откровенничала. И вот Алене Борисовне стукнуло шестьдесят. Она решила сделать себе незабываемый подарок и, взяв двухнедельный отпуск, отправилась с мужем в гости к дочери.

В аэропорту далекого Нью-Йорка, только сойдя с трапа самолета, Алена Борисовна тут же стала прикладывать платочек к глазам – так волновалась перед долгожданной встречей, так соскучилась. Когда они с мужем, получив багаж, вышли в зал и увидели родных, Бабаля, припав одним коленом на сверкающий пол, сгребла в охапку внучек, пусть неузнаваемых, каких-то чужих, но таких любимых... Девочки смутились, но стояли смиренно, вопросительно глядя на отца.

Уняв чувства, Алена Борисовна обняла и зятя, и уже бодро и почти весело уселась в автомобиль, предвкушая радостную встречу с Анечкой, которая ждала родителей дома, готовила обед. В машине Бабаля, правда, опять, всплакнула. Внучки, которых она усадила рядом с собой, по правую и левую руку, жались не к бабушке, а к дверям.

– Ох, забыли, забыли меня, – приговаривала Бабаля, пытаясь прижаться к бокам смущенных внучек.

Анечка встретила родителей радостно, со слезами. По доброй русской традиции сразу усадила за стол. Праздничный обед произвел неизгладимое впечатление на Алену Борисовну. Нельзя сказать, что было невкусно... Все было съедобное, привычное по названиям – борщ, жареное мясо, картошка, но абсолютно непривычное на вкус, будто не-

живое. А главное – Анечка подавала всем строгие порции и горячего, и закусок, никаких излишеств, типа родных сердцу заливных, салатов оливье и «Мимоза», на столе не было... «Голодают!» – со страхом догадалась Алена Борисовна.

Алену Борисовну местные небоскребы не интересовали вовсе. Все, все ее внимание было обращено к жизни дочери и ненаглядных внучек. И все, решительно все казалось ей ужасным. И то, что дочка работала самой обычной маникюршей-педикюршей и, в общем-то, сама содержала семью... И то, что зять-программист никому тут не пригодился или не сумел быть полезным и стал таксистом... Город знал плохо, зарабатывал мало, после работы, по русской традиции, выпивал... И то, что внучки, хоть и говорили по-русски, но были уж совсем не русскими душой. И неуютный по-западному, с чужой мебелью на съемной квартире быт, и порционная кормежка были далеки от идеала той жизни, о которой мечтала для своих любимых Алена Борисовна.

Две недели пролетели как миг. Лишь в последнюю перед отлетом ночь дочка в разговоре с матерью вдруг всплакнула, коротко пожаловалась и на начавшего спиваться мужа, и на душевную тоску по оставленной жизни.

– Анечка, а может, назад? – с надеждой спросила Алена Борисовна.

– Что ты, мамочка! Там уж с корнем все вырвано, жизнь другая стала, опять привыкать надо, все сначала начинать... А здесь уж какие-никакие корешки проросли. Девчонки – так совсем как дома...

Такие простые слова сказала дочка. Но для матери они оказались более разрыва сердца. Только в эту секунду Алена Борисовна поняла всю истинную сущность положения. И дорога через океан в тысячи километров и четыре года показалась ей вечностью...

За долгие часы перелета из Нью-Йорка в Москву Алена Борисовна не проронила ни слова, не притронулась к еде. Александр Моисеевич, конечно, удивлялся, что жена не проголодалась, но с удовольствием уминал вторую порцию. На следующий день, в воскресенье, жена будто бы оживилась и стала разбирать чемоданы, но на самом деле только раскидала все вещи по полу. Достав толстую пачек фотографий, легла на диван и, как четки, по кругу стала перебирать глянцевые снимки. К плите не подходила, о еде забыла, на все вопросы мужа отвечала как бы с трудом и односложно... Когда в понедельник Алена Борисовна опять не встала с дивана и даже не подумала идти на работу, Александр Моисеевич забеспокоился, стал советоваться со знакомыми, в конце концов вызвал врача.

Алена Борисовна оказалась практически здорова: и сердце работало по возрасту, и давление было почти в норме. Не найдя объяснения странной болезни, врач определила ее как стресс, тоску, что вполне естественно для людей такого возраста, да еще вкусивших «тамошней» жизни. Сказала, что все пройдет, дайте только срок. Из таблеток прописала успокоительное, а главное лекарство – внимание, легкая и питательная еда...

Александр Моисеевич старался, как мог. Готовил на пару покупные котлетки, по ложечке вкладывал йогурт в рот жене... А Алена Борисовна оставалась по-прежнему ко всему безучастной, перебирая и перебирая яркие фото. Несколько раз звонила Анечка, мать говорила с ней так же односложно, будто издалека. Александр Моисеевич, не видя перемен в состоянии жены, еще раз вызывал врача. Тот ставил тот же

диагноз, давал те же советы. Но ни забота, ни внимание, ни успокоительные не давали результатов. Алена Борисовна почти совсем перестала говорить, есть, пить. Ни на минуту не стихающая тревога поселилась в душе Александра Моисеевича, она же гнала его из дома, и он на полдня вырывался на работу, к людям. На исходе второй недели Александр Моисеевич, вернувшись домой, по обыкновению сразу же вошел в спальню, к жене. Алена Борисовна лежала на кровати. Вокруг нее по правую и левую руку были разложены фотографии Анечки, Полиночки, Оленьки... Увидев чужое, исхудавшее, навсегда застывшее в тоске лицо жены, Александр Моисеевич все-таки окликнул ее – и с той минуты сам как будто выпал из жизни.

Очнулся только на кладбище. Вокруг скромного гроба стояло человек десять – престарелые свекры, две давних подружки жены, несколько человек из редакции и «девочек» из корректорской. На лицах этих чужих, в сущности, людей была не столько скорбь, сколько неподдельное изумление – никто не ожидал от «бой-бабы» такого поворота чувств. Дочь прилететь не смогла – ее не пускала работа. Воткнув в холодную землю последний венок, все засобирались к маленькому автобусу, который вез в кафе, на поминки. Александра Моисеевича из деликатности оставили на несколько минут одного.

Комкая в руках черный фетровый берет, не замечая простуженного ноябрьского ветра, Александр Моисеевич читал и перечитывал имя жены на казенной кладбищенской табличке. Только сейчас и рассудком, и сердцем он понял, но не мог поверить, что в его жизни случилось самое страшное, непоправимое. Он хотел было подумать, как подобает минуте, о чем-то возвышенном, вечном, но в голове почему-то роились самые простые мысли – что вот он один, старик, никому не нужный, придет в пустой дом и не услышит родного голоса с призвуком металла, и никто не подаст ему горячего борща и ароматных котлет... И что теперь так будет всегда.

– Алена! – вдруг громко, в какой-то смертной тоске вскрикнул он над свежей могилой.